

Уровни маргинализации: жизнь женщин рохинджа

Свидетельство из Мьянмы

Рохинджа – это этнорелигиозное меньшинство, проживающее в штате Ракхайн в Мьянме. Эти люди, фактически лишённые гражданства посредством закона Мьянмы «О гражданстве» от 1982 г., на протяжении десятилетий сталкиваются с жесточайшей дискриминацией и преследованиями. Они не могут свободно передвигаться, вступать в брак и иметь семью, а также получать услуги образования и здравоохранения. Многие из них живут в лагерях для интернированных, занимаются принудительным трудом и/или становятся объектами вымогательства. Поскольку в стране проводятся реформы, ситуация людей народа рохинджа ухудшилась, и они вынуждены терпеть широко распространённое, систематическое насилие. Многие сбежали в другие страны, совершив опасный переезд. Те, кому удалось выжить в дороге, часто сталкиваются с непреодолимыми трудностями в связи с их признанием и расселением в третьих странах из-за отсутствия у них гражданства.

Equal Rights Trust побеседовал с Вай Вай Ну, бывшей политзаключенной, которая сейчас является активисткой в области защиты прав человека и борьбы с дискриминацией общины рохинджа. Она рассказала о страшной дискриминации, с которой сталкиваются люди рохинджа в Мьянме, о проблемах женщин в Мьянме после 60 лет власти военного правительства и о том, что быть женщиной рохинджа означает быть жертвой уникальной интерсекциональной дискриминации.

Меня зовут Вай Вай Ну, мне 29 лет, и я являюсь представительницей народа рохинджа. Я родилась в штате Ракхайн, в западной части Мьянмы, и выросла в Рангуне.

В 2005 году, когда мне было 18 лет, члены моей семьи и я были приговорены к 17 годам лишения свободы: к пяти годам по закону «О социальном обеспечении» и к 10 годам по закону «О гражданстве». Официально нас обвинили в том, что мой отец перевез нас в Рангун без семейной регистрационной карты и получил карту социального обеспечения под фальшивым именем. Но моя семья и я считаем, что для нашего заключения был другой повод. Перед тем, как нас посадили в тюрьму, мой отец присоединился к

лидеру оппозиции Аун Сан Су Чжи и стал членом Комитета, представляющего народный парламент (КПНП). КПНП – это оппозиционная группа, которая возникла после выборов 1990 года, когда военное правительство отказалось передать власть победившим партиям. После выборов КПНП потребовал, чтобы военное правительство передало власть и позволило партиям-победительницам создать парламент. Мой отец принимал участие в этой работе. Сначала арестовали только моего отца, а затем, через два месяца, они пришли к нам домой и арестовали всю семью. Мы считаем, что это было сделано только потому, что мы рохинджа, и потому что таким способом власти хотели наказать отца за то, что он посмел открыто выступить против них как рохинджа в составе оппозиции. Мое тюремное заключение было результатом того, что я – рохинджа и дочь политического деятеля.

Вай Вай Ну

Мне очень тяжело вспоминать о времени, проведенном в тюрьме, поскольку условия были сложными, и избавиться от таких воспоминаний нелегко. Тюрьма, которая является одной из самых печально известных тюрем в Азии, располагалась в Рангуне. Приходилось преодолевать множество психологических и физических проблем, а также трудности, связанные с тем, как тюремные власти обращались с заключенными. Все то, что мне довелось пережить в тюрьме – отсутствие справедливого суда и возможности апелляции, жуткие условия, общение с другими женщинами, которые столкнулись с похожими проблемами, тюремная система – все эти вещи и мужество, которое мне потребовалось, чтобы их преодолеть, вынудили меня стать правозащитником и основать сеть Women Peace Network – Arakan, где я вместе с другими группами занимаюсь защитой прав человека и продвижением терпимости. Как правозащитник я верю в универсальность прав человека и хочу, чтобы способствовать продвижению прав человека во всем мире. Но я работаю и для своего народа, сообщества рохинджа.

Я считаю, что женщины рохинджа сталкиваются с разными уровнями дискриминации и маргинализации. Все женщины в Мьянме являются объектами различных форм дискриминации. Поскольку Мьянма является развивающейся страной, которая находилась под властью военных в течение 60 лет, женщины здесь оказались в гораздо более сложной ситуации, чем в других частях мира. Они становятся объектами дискриминации во многих сферах жизни, в т. ч. и на руководящих должностях. Если бы я не основала сеть Women Peace Network – Arakan и вступила бы в возглавляемую мужчиной группу или в любую другую организацию гражданского общества, большая часть руководства ко-

торой представлена мужчинами, мне было бы трудно доказать, что я многое могу, или занять руководящую должность. Это проблема, с которой сталкиваются многие женщины в этой стране, просто потому, что они женщины. Также многие женщины становятся жертвами дискриминации и насилия в быту. Зачастую дискриминация женщин бывает еще серьезнее в зависимости от того, где они живут, их статуса, этнической принадлежности и вероисповедания. Если вы из сильно ущемляемой этнической группы, вы будете сталкиваться с дискриминацией гораздо чаще в том, что государство вас не признает, в том, как с вами разговаривают, или как вас представляют.

Рохинджа переживают страшную дискриминацию, которая привела к неопишимо тяжелому положению этого народа в Мьянме. За мою жизнь отношение правительства к народу рохинджа стало гораздо хуже. Когда я была маленькой, в конце 1980-х и начале 1990-х годов, община рохинджа была равноправной, люди считались гражданами и народом этой страны. Мой отец мог быть государственным служащим: он получил высшее образование и имел право работать по специальности – учителем в государственной школе. Но после 1992 года стали вводиться дискриминационные ограничения на средства рохинджа к существованию. Ситуация усугублялась, но тогда правительство не заявляло, что рохинджа являются нелегальными иммигрантами, и не называло их бенгальцами или иностранцами. Однако после перемен в политике в 2010 году наше положение ухудшилось, т. к. правительство начало рассуждать о том, что рохинджа являются бенгальцами – нелегалами, а не жителями Мьянмы. Тогда рохинджа были исключены из многих сфер жизни.

Эту перемену для рохинджа можно назвать одним словом – ад. С тех пор для сообщества рохинджа не было никаких позитивных изменений; на самом деле, правительство отобрало у рохинджа все их основные права в этой стране. Правительство дискриминирует всех рохинджа и подвергает их гонениям, прилагая минимум усилий для их защиты. Правительство отняло у народа рохинджа, включая женщин и детей, право на гражданство, отказывает им в доступе к образованию, здравоохранению и рабочим местам и ограничивает их свободу передвижения. Эта дискриминация вынудила тысячи людей рохинджа бежать из страны, многих необоснованно посадили в тюрьму, и многие были убиты. Наконец, правительство лишило рохинджа права иметь регистрационные карты. Это привело к ситуации, которую мы наблюдаем сейчас: многие рохинджа оказались лицами без гражданства и живут в изоляции. В Мьянме 150 000 рохинджа живут в лагерях.

Когда я вышла из тюрьмы, я столкнулась с многочисленными препятствиями из-за своего этнического происхождения, и потому что мой отец был членом оппозиции. Мне пришлось отчаянно бороться, чтобы получить высшее образование. Несмотря на то, как я закончила обучение в вузе, мне не выдавали диплом, и я была вынуждена его отвоевать. Я выиграла эту битву, и теперь у меня есть диплом. Но я все равно не могу быть юристом, потому что я рохинджа. Думаю, это красноречиво иллюстрирует уровень институциональной дискриминации представителей народа рохинджа.

Помимо дискриминации, которую мы вынуждены терпеть как рохинджа, наши женщины сталкиваются с дополнительными формами дискриминации в обществе в целом и в нашем сообществе в частности. Небезопасное положение рохинджа является особенно острой проблемой для женщин рохинджа. Правительство не просто не

вмешивается, чтобы защитить наших женщин; в большинстве случаев сексуальное насилие совершается именно представителями силовых структур. И это происходит, не только когда женщины покидают свой дом, но даже когда они находятся дома; силовики могут прийти, изнасиловать женщину, унижать и мучить ее. Женщины в лагерях тоже не чувствуют себя в безопасности. С другими женщинами это не происходит. Также существует систематическая дискриминация в виде применения ограничительных и дискриминационных правил в отношении женщин рохинджа, например, ограничений на количество детей, которых могут иметь женщины рохинджа, и ограничения на их вступление в брак. Если женщина рохинджа хочет выйти замуж, она должна получить разрешение от руководства города. Если у женщины рохинджа больше двух детей, ей, возможно, придется уплатить штраф или отправиться в тюрьму, а дети могут быть не включены в состав семьи при регистрации. Кроме того, правительство ввело дискриминационную политику контроля над рождаемостью. Таким образом, правительство Мьянмы целенаправленно и систематически дискриминирует женщин рохинджа. Многие из этих законов и правил были приняты за последние два десятилетия. Невозможно представить себе такую ситуацию в большей части земного шара.

Лично я считаю, что меня больше дискриминируют как женщину рохинджа, нежели если бы я была мужчиной рохинджа, или если бы я была представительницей другого народа. Трудно описать эту дискриминацию, поскольку ее невозможно увидеть или измерить. Я просто ее *чувствую*. Я чувствую, что из-за того, что я являюсь женщиной рохинджа, я ограничена в своей способности жить так, как мне хочется. Это относится к моей профессиональной, семейной, общественной и политической жизни.

Я часто вижу, что вместо признания и решения главной причины проблем, с которыми сталкиваются не только представительницы рохинджа, но и женщины в целом, обычно обвиняют самих женщин или считают, что несчастья женщин рохинджа –

это проблема сообщества рохинджа, в которой оно само виновато. Правительство и управляемые им теологи обвиняют сообщество рохинджа в целом и его религиозных лидеров в частности, заявляя, что мы должны расширить возможности и обучать женщин рохинджа. Но они говорят это, просто чтобы снять с себя ответственность и не пытаться устранить коренные причины этой проблемы. Они обвиняют сообщество за то, что оно необразованное. Они забывают или делают вид, что забыли, что из-за правительственных ограничений дети рохинджа не имеют доступа к образованию и могут оставаться неграмотными. Все женщины должны быть образованными, иметь возможность учиться и ходить в учебное заведение, но отсутствие у них такой возможности не должно использоваться для оправдания их дискриминации или как предлог, чтобы отвлечь внимание от истинного политического курса.

Преследование народа рохинджа – вот настоящий политический курс; военное правительство отрицает основные права рохинджа в этой стране и использует этих людей как козлов отпущения для извлечения политической выгоды. Я думаю, что подобная дискриминация и преследования возможны из-за отсутствия информации. Рохинджа изолированы от основной части населения Мьянмы и постоянно подвергаются маргинализации в средствах массовой информации. Коррупция правительственных, судебных и административных органов в стране также вносит свою лепту в эту дискриминацию. Необходим политический диалог и восстановление мира и справедливости через основные права.

Правительство в силах изменить отношение к женщинам рохинджа и к сообществу рохинджа в целом. Оно может отменить все дискриминационные законы и должно предоставить рохинджа права на гражданство и достоинство. Поскольку Национальная лига за демократию начинает процесс получения контроля над парламентом и правительством, я надеюсь, что она введет инициативы по восстановлению справедливости и мира и предоставит нам основные права как представителям народа нашей страны. Кроме того, международное сообщество может многое сделать, чтобы воплотить эти цели в жизнь. Оно могло бы привлечь правительство к ответственности за вред, причиненный рохинджа, с помощью средств массовой информации, переговоров с правительством и выражения солидарности с рохинджа. Я считаю, что также нам нужно быть осторожными, говоря о рохинджа как о лицах без гражданства. Изначально рохинджа были коренным народом в этой стране, они имели полноправное гражданство и все остальные права, как и у всех других граждан и этнических групп Мьянмы. Поэтому когда кто-то говорит о рохинджа как о лицах без гражданства, это иногда может приводить к недопониманию, позволяющему тем, кто пытается отрицать права рохинджа, утверждать, что мы родом не из Мьянмы. Благодаря этому правительство хочет снять с себя ответственность за решение проблем. Преследование рохинджа приводит к отсутствию у них гражданства, а когда мы говорим о рохинджа как о лицах без гражданства, это может создать еще большую путаницу.

Хотя мне нравится моя роль активистки в сфере защиты прав человека, я отчасти ощущаю, что вынуждена этим заниматься как женщина рохинджа и из-за несправед-

ливости, с которой мне доводилось и доводится сталкиваться в своей жизни. Я чувствую, что должна встать на защиту моего народа, потому что я знаю, как он живет, и какая ситуация сложилась в моей стране. Я никогда не думала, что мне придется стать правозащитником или политиком. Иногда мне хочется быть свободной молодой женщиной и жить нормальной жизнью без такого количества трудностей. Если бы я не была рохинджа, и если бы я могла выбирать, как мне жить, я бы работала преподавателем в вузе, юристом, судьей или дипломатом. Об этом я мечтала в детстве, когда я и мое сообщество не подвергались такой сильной дискриминации.